

12+

НИКОЛАЙ ТРЯСЦЫН

Посольство злых ангелов

Николай Трясцын

Посольство злых ангелов

<https://litres.ru/74286063>

ISBN 9785007075886

Аннотация

История о том, как тьма пытается править миром через раздор, анонимность и страх, но наталкивается на силу человеческого единства.

В обычной школе разворачивается незримая битва: зло действует хитро — через злые сообщения в чатах, анонимные жалобы, разжигание взаимных обид. Оно хочет посеять недоверие между родителями и учителями, сделать детей невольными заложниками чужой ярости.

Вражда: она питается злобой и болью, недоверием и страхом. Но находятся те, кто решает не кормить эту тьму.

Содержание

Николай Трясцын. «Посольство злых ангелов»	5
Глава 1. Холод в углу класса	5
Глава 2. Пыль и шёпот	11
Глава 3. Там, где тишина слишком густая	17
Глава 4. Слова, которые держат	21
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Посольство злых ангелов

Николай Трясцын

© Николай Трясцын, 2026

ISBN 978-5-0070-7588-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Николай Трясцын.

«Посольство злых ангелов»

Глава 1. Холод в углу класса

Илья Николаевич закрыл журнал и медленно обвёл взглядом класс. В воздухе висело то самое напряжение, которое он научился чувствовать ещё в первые годы преподавания: не просто усталость после пятого урока, а какая-то колючая, злая тишина. Она появлялась не каждый день, но когда появлялась — становилось тяжело дышать.

— Так, значит, никто не сделал домашнее задание? — спросил он, стараясь говорить ровно. — Или все решили, что если я болел две недели, то теперь можно вообще ничего не делать? В ответ — молчание, но не стыдливое, а вызывающее.

Кто-то хмыкнул. Кто-то закатил глаза. А Лера, обычно тихая девочка с первой парты, вдруг подняла взгляд и сказала с неожиданной жёсткостью: — А зачем? Всё равно оценки ставят как хотят. По классу прокатился одобрителный гул. Илья хотел было ответить, напомнить про ответственность, про то, что взрослый человек — это не тот, кто громче всех спорит, а тот, кто держит слово. Но слова застряли где-то в

горле, потому что в этот момент он снова почувствовал это. Холод.

Он шёл не от окна — стекло было тёплым от полуденного солнца. Он шёл из угла, где стояли старые шкафы с пособиями, куда редко кто заглядывал.

Там, в полутени, воздух будто сгущался, становился плотным, как желе. Илья на секунду зажмурился, потом открыл глаза — и увидел: в углу, у самого потолка, висело что-то похожее на рваную тень. Не фигура, не силуэт, а просто место, где свет не хотел держаться. «Это от усталости, — подумал он. — От лекарств. От того, что я слишком долго лежал в больнице и теперь любая перемена давит на голову».

— Ладно, — сказал он, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо. — Тогда будем разбирать тему прямо сейчас. Открывайте тетради. Но вместо того чтобы достать ручки, ребята начали перешёптываться. Сначала тихо, потом всё громче. Слова летели, как мелкие камешки: «бесполезно», «неинтересно», «всё равно ничего не пригодится». И с каждым словом тень в углу будто становилась плотнее. Илья почувствовал, как по спине ползёт ледяной след.

Ему захотелось выйти, глотнуть свежего воздуха, сказать, что он не может сегодня вести урок. Но он остался стоять у доски, потому что знал: если сейчас сдастся, то потеряет не только этот урок — он потеряет что-то большее, чему не мог подобрать названия.

— Достаточно, — голос прозвучал неожиданно громко.

— Хватит. Тишина упала резко, как занавес. Лера посмотрела на него с удивлением, будто только сейчас заметила, что он вообще здесь.

— Мы будем работать, — повторил Илья уже спокойнее. — Не потому что я так хочу, а потому что вы сами решаете, кем быть. Можно выбрать злость. Можно выбрать обиду. А можно выбрать труд. И я здесь, чтобы помочь вам выбрать труд.

Кто-то фыркнул, но уже без прежней уверенности. Кто-то достал тетрадь. Тень в углу не исчезла, но будто замерла, как будто ждала, что будет дальше. После урока Илья задержался в классе, чтобы собрать тетради. Он старался не смотреть в тот угол, но всё равно чувствовал спиной этот холод. Когда он уже собирался уходить, дверь приоткрылась, и в проёме показалась голова Леры.

— Илья Николаевич, — тихо сказала она, не глядя ему в глаза. — Простите, что я так сказала. Просто в последнее время всё бесит. Даже когда не хочется. Илья кивнул, подбирая слова. Он хотел сказать что-то ободряющее, простое, что обычно говорят учителя: «Всё наладится», «Это просто переходный возраст». Но вместо этого спросил: — Тебе холодно здесь? Лера нахмурилась, будто вопрос был странным. — Нет А что? — Ничего, — он улыбнулся, стараясь, чтобы улыбка получилась настоящей. — Просто показалось.

Когда Лера ушла, Илья ещё немного постоял у окна, глядя на школьный двор. Дети бежали по асфальту, смеялись,

толкались, спорили — обычная суета обычного дня. Но где-то под этой суетой, он теперь это чувствовал, шевелилось что-то другое. Что-то, что жило на чужих обидах, на резких словах, на том, как легко люди перестают слышать друг друга. Он достал из кармана потрёпанный блокнот, который стал вести с тех пор, как вернулся с больничного, и записал: «14:37. Класс 9Б.

Тень в северо-восточном углу. Становится плотнее, когда начинается спор. Лера: резкость без причины». Ручка царапнула бумагу. Илья захлопнул блокнот и сунул его обратно в карман.

Дома его ждала сестра Марина с племянницей Катей. Катя, десятилетняя девочка с косичками и привычкой всё переспрашивать, встретила его на пороге: — Дядя Илья, ты опять писал в своём секретном блокноте? — Не секретном, а рабочем, — улыбнулся он.

Марина стояла в дверях кухни, вытирая руки полотенцем. В её взгляде читалось то самое осторожное беспокойство, которое появилось у неё с тех пор, как он вернулся из больницы. — Устал? — спросила она. — Поешь. Я суп сварила.

Они сели за стол, и всё было как обычно: ложка звякает о тарелку, Катя рассказывает про школу, Марина кивает, иногда вставляет короткие фразы. Но посреди разговора Катя вдруг резко сказала: — Всё равно никто меня не слушает! Слова прозвучали так неожиданно и так грубо, что Илья чуть не выронил ложку. Марина вздрогнула. — Катя, — строго

сказала она. — Что за тон? — А что? Все только и делают, что говорят, а сами не слышат! — девочка вскочила из-за стола и убежала в комнату, хлопнув дверью. В кухне повисла тишина.

Илья смотрел на пустую тарелку, чувствуя, как по спине снова ползёт тот самый холод. Он не знал, откуда он взялся, но теперь был уверен в одном: это не случайность. — Прости, — тихо сказала Марина, будто извиняясь за всё сразу: за Катю, за этот резкий тон, за то, что день не задался.

— Она в последнее время сама не своя. То тихая, то кричит ни с того ни с сего. Илья хотел было рассказать ей про тень в классе, про то, как слова будто питают этот холод, про старика-библиотекаря, который шептал что-то про «посольство», живущее на обидах. Но он посмотрел на уставшее лицо сестры, на морщинки у глаз, на то, как она сжимает край полотенца, и понял: сейчас это прозвучит не как предупреждение, а как бред.

— Ничего, — сказал он. — Пройдёт. Просто переходный возраст начинается раньше, чем мы думаем. Марина кивнула, но в её взгляде читалось: «Ты сам-то веришь в то, что говоришь?» «Позже, когда дом затих, Илья снова достал блокнот. На чистой странице он вывел крупно: «Холод приходит со словами. С обидой. С тем, как мы раним друг друга, даже не замечая».

Он закрыл блокнот и посмотрел в окно. За стеклом город жил своей обычной жизнью: горели фонари, ехали машины,

кто-то смеялся на улице. Но Илья теперь знал: где-то рядом, в тени привычных вещей, шевелилось то, что хотело, чтобы люди перестали слышать друг друга. И он не знал, хватит ли у него сил этому противостоять.

Глава 2. Пыль и шёпот

Утро началось с холода, который Илья почувствовал ещё на лестничной клетке. Он замер у приоткрытой двери соседей, откуда доносились резкие, рубленые фразы: «Ты опять», «А ты», «Мне уже всё равно». Холод вытекал из квартиры, как сквозняк из щели, и полз по стенам, цепляясь за углы. Илья невольно отступил на шаг, будто боялся впустить этот холод внутрь себя. И только потом понял, как странно это выглядит: взрослый мужчина пятится от собственной площадки.

«Это не просто ссора, — мелькнуло у него. — Это как открытая дверь, через которую что-то выходит». Он спустился по лестнице, стараясь не смотреть на тёмные углы, где тени будто цеплялись за перила.

На улице было солнечно, но город казался каким-то приглушённым, будто все звуки накрыли плотной тканью. Люди шли, не поднимая глаз, будто боялись зацепиться взглядом и начать ссору. Илья поймал себя на том, что и сам старается ни с кем не встречаться глазами.

До библиотеки он шёл почти на автомате, повторяя про себя: «Газеты. Старые заметки. Просто факты. Без мистики». Но в голове всё равно крутились вчерашние слова Кати: «Все только и делают, что говорят, а сами не слышат!» И голос Леры: «Всё равно оценки ставят как хотят». В этих

фразах было что-то заученное, чужое.

Библиотека стояла на тихой улице, чуть в стороне от суety центра. Её старые окна смотрели на мир с усталой внимательностью, будто знали больше, чем хотели рассказать.

Внутри пахло пылью, бумагой и тишиной — той самой, которая бывает только в местах, где люди привыкли говорить шёпотом.

Борис Петрович сидел за стойкой, перебирая карточки в деревянном ящике. Он поднял глаза, когда Илья вошёл, и на секунду задержал взгляд, будто считывал что-то за пределами слов. — Ты не за газетами пришёл, — тихо сказал он, не дожидаясь вопроса. — Ты ищешь, где прячется холод.

Илья замер, чувствуя, как по спине пробегает тот самый ледяной след, который теперь стал слишком знакомым. — Откуда вы — начал он и осёкся. — Я просто хотел посмотреть старые выпуски. За последние месяцы. Может, там что-то было странное.

Борис Петрович кивнул, будто это было самое обычное объяснение на свете. — Странное, — повторил он. — Да. Странное. Только его не в газетах искать надо. Его искать там, где рвётся связь. Где люди перестают слышать друг друга.

Он встал, опираясь на край стойки, и жестом позвал Илью за собой, в дальний зал, где полки стояли плотнее, а свет был мягче.

— Это не один дух и не один демон, — продолжал он,

словно продолжая давно начатый разговор. — Это как сеть. Где люди перестают слышать, там она крепнет. Она любит пустые слова. Любит, когда обида важнее правды. Любит, когда человек решает: «Я никому ничего не должен». А иногда она приходит как равнодушие. Как «мне всё равно». Это даже хуже крика.

Илья слушал, чувствуя, как внутри всё сжимается от странного узнавания. Каждое слово будто попадало в пустоты, которые он сам замечал, но не мог назвать. — И что что с этим делать? — спросил он тихо. — Не кормить, — коротко ответил Борис Петрович. — Не кормить словами, которых не можешь забрать.

Он достал с полки старую книгу краеведения, потрёпанную, с пожелтевшими страницами. На полях были карандашные пометки, выцветшие, но всё ещё читаемые. — В семидесятых здесь тоже было беспокойно, — сказал библиотекарь. — Конфликты вспыхивали на ровном месте. Семьи распадались из-за мелочей. И вот тут, — он постучал пальцем по фразе на полях, — кто-то очень точно написал: «Там, где рвётся связь поколений, легче строить мосты для иного».

Илья наклонился ближе, вчитываясь в корявый почерк. На другой странице, внизу, была ещё одна строчка: «Не корми словами, которых не можешь забрать». Он достал свой блокнот и аккуратно переписал обе фразы.

В читальном зале было тихо, но эта тишина вдруг стала напряжённой. Двое посетителей спорили из-за места: один

требовал, чтобы другой ушёл, второй огрызнулся, что пришёл первым. Слова летели, как осколки, и воздух становился густым, тяжёлым. Илья почувствовал, как в углу сгущается тень — та самая, знакомая, рваная, будто сотканная из холода и чужих обид.

Он сделал шаг вперёд, не думая, просто чтобы разорвать этот узел. — Давайте я уйду, — сказал он спокойно. — Вы сядете. Или давайте все трое спокойно решим, как быть. Спорщики на секунду замолчали, сбитые с толку не упрёком, а предложением. Тень в углу не исчезла, но будто замерла, потеряла плотность, как дым, который не находит, за что зацепиться.

— Ты понял главное, — тихо произнёс Борис Петрович, когда они вышли на крыльцо. — Они питаются тем, что ты отдаёшь. Каждый раз, когда ты отвечаешь злом на зло, ты даёшь им силу.

Солнце грело ступени, но Илья всё равно чувствовал, как холод пытается дотянуться до него, цепляясь за остатки напряжения. — Если ты решил это видеть, — продолжил библиотекарь, глядя куда-то поверх крыш, — ты уже не сможешь делать вид, что ничего нет. И чем больше ты будешь пытаться объяснить это нормальным языком, тем больше тебя будут считать странным. Но если ты будешь молчать — оно станет сильнее.

Илья кивнул, не зная, что ответить. Слова казались слишком маленькими для того, что он теперь знал. — Там, на

окраине, — вдруг сказал Борис Петрович, — старое здание бывшего клуба. Теперь там пусто. Слишком много тишины. Если захочешь понять, где у этой сети узлы, начни оттуда.

Дома его встретила тишина, которая была хуже крика. Марина сидела на кухне, сжимая в руках полотенце, а Кати не было видно. — Она ушла из кружка, — сказала Марина, не поднимая глаз. — Поссорилась с подругой. Повторяет какие-то чужие фразы, злые, будто заученные. Я говорю ей что-то хорошее, а она будто не слышит. Как будто мои слова до неё не доходят.

Илья сел напротив, чувствуя, как холод подбирается к горлу, мешая дышать. — Прости, — прошептала Марина. — Я просто устала. Не знаю, что делать. — Я знаю, — неожиданно для себя сказал Илья. — Я знаю, что-то происходит. И я пытаюсь понять, как этому противостоять.

Марина посмотрела на него с надеждой и страхом одновременно — будто хотела верить, но боялась поверить не в то.

Позже, когда дом затих, Илья снова достал блокнот. На чистой странице он вывел крупно: «Холод питается обидой, равнодушием и словами, которые нельзя забрать. Противоядие — слышать и не отвечать злом. Но одного этого мало. Нужно найти узлы. Там, где тишина слишком густая».

Он закрыл блокнот и посмотрел в окно. Город жил своей обычной жизнью: горели фонари, ехали машины, кто-то смеялся на улице. Но теперь Илья знал: в этой привычности

прячется что-то, что хочет, чтобы люди перестали слышать друг друга. И он больше не мог делать вид, что не видит этого.

Глава 3. Там, где тишина слишком густая

Автобус до окраины ходил редко, и Илья успел продрогнуть, пока ждал на остановке. Ветер гулял между пустыми витринами, шевелил обрывки старых объявлений, будто пытался что-то прошептать, но не находил слов. Город здесь заканчивался резко — как будто кто-то провёл черту, за которой всё становилось чуть менее реальным.

Здание бывшего клуба стояло в стороне от дороги, окружённое вытоптаным пустырьём. Когда-то оно было центром жизни района: здесь крутили кино, устраивали танцы, дети бегали по коридорам, звеня голосами. Теперь окна смотрели тёмными провалами, а дверь была забита досками. Но не это пугало. Пугало то, как тихо было вокруг. Тишина здесь не была покоем. Она была пустой, как чаша, которую специально выставили, чтобы в неё стекались все невысказанные обиды, все злые слова, все «мне всё равно». Илья почувствовал это сразу, как только сошёл с асфальта на сухую траву: воздух стал гуще, будто он шёл не по воздуху, а по воде.

Он обошёл здание кругом, присматриваясь к деталям. На стене кто-то вывел мелом: «Никто не слушает». Фраза была детской, неровной, но в ней было что-то слишком точное. Илья коснулся букв — мел осыпался под пальцами, как пепел. Задняя дверь оказалась не до конца забитой: одна доска

держалась на одном гвозде и слегка покачивалась от ветра.

Илья замер, прислушиваясь не к звукам, а к отсутствию звуков. Внутри не было ни шороха, ни скрипа, ни даже эха. Только эта густая, липкая тишина. «Борис Петрович сказал: слишком много тишины», — подумал он и сам удивился, что теперь воспринимает такие слова как инструкцию. Илья осторожно поддел доску, стараясь не шуметь, и протиснулся внутрь.

В холле пахло сыростью и пылью, но под этим запахом прятался другой — холодный, металлический, как запах мороза на железной скамейке. Свет из разбитых окон ложился на пол косыми полосами, и в этих полосах плясали пылинки, будто пытались куда-то улететь, но не могли.

В центре зала что-то было. Сначала Илья подумал, что это просто нагромождение старых стульев, сваленных в кучу. Но чем дольше он смотрел, тем яснее становилось: стулья были расставлены не случайно. Они образовывали неровный круг, а в центре этого круга не было ничего — просто пустота, которая казалась глубже, чем должна быть. И эта пустота дышала. Не как живое существо, а как пустота умеет «дышать» — втягивая в себя всё, что рядом: свет, звук, надежду.

Илья почувствовал, как холод ползёт вверх по ногам, как он хочет проникнуть внутрь, хочет заставить его поверить, что всё бесполезно, что никто никого не слышит, что любые слова — это только шум. *«Ты пришёл сюда один. Никто не знает, где ты. Никто не придёт. Зачем ты вообще стара-*

ешься?» Мысль пришла не изнутри, а будто извне, скользнула по краю сознания, холодная и гладкая, как льдинка.

Илья сжал кулаки, чувствуя, как ногти впиваются в ладони. Боль была настоящей. Значит, он ещё здесь. Значит, это не его мысль. — Нет, — сказал он вслух, и собственный голос прозвучал в этой тишине неожиданно громко, как удар. — Я пришёл не за тем, чтобы сдаваться.

Пустота будто вздрогнула. Полосы света на полу на мгновение потемнели, а стулья в круге слегка сдвинулись, будто кто-то невидимый пошевелился. Илья сделал шаг вперёд, не потому что стало не страшно, а потому что понял: если он сейчас отступит, то в следующий раз сделать этот шаг будет в сто раз труднее.

Он достал блокнот и записал дрожащей рукой: «Центр. Круг из стульев. Пустота в середине. Она реагирует на голос. На отказ сдаваться». Когда он поднял голову, в дальнем углу зала мелькнуло движение. Не тень, не фигура — скорее, как будто воздух там стал ещё темнее, плотнее. И оттуда, из этой темноты, донёсся шёпот. Не слова, а обрывки звуков, собранные в ритм чужой речи: «не слышат не слушают всё равно» Илья попятился, нащупывая за спиной дверной проём. Он не был готов к тому, чтобы встретиться с этим лицом к лицу. Но он увидел главное: «посольство» не было метафорой. У него было место. У него был центр. И оно жило на том, что люди переставали слышать друг друга.

На улице воздух показался ему почти тёплым. Он глубоко

вдохнул, чувствуя, как лёгкие снова наполняются обычным миром: ветром, пылью, далёким гулом машин. И только тогда он понял, что сжимает в руке оторванную доску — как будто она могла служить щитом.

По дороге домой Илья думал не о том, как рассказать об этом Марине или пастору, а о том, что Борис Петрович был прав: объяснить это «нормальными» словами почти невозможно. Но можно показать. Можно привести кого-то сюда и сказать: «Смотри. Вот где тишина становится оружием».

Телефон в кармане завибрировал. Сообщение от Марины: «Катя плачет. Говорит, что все против неё. Я не знаю, что делать». Илья ускорил шаг. Теперь он знал: борьба идёт не только в тёмных залах на окраине. Она идёт за каждым кухонным столом, в каждом школьном классе, в каждой ссоре, которую хочется закончить словом «всё равно». И если он может хоть немного помешать этой тишине становиться гуще — он должен это делать.

Глава 4. Слова, которые держат

Пастор Алексей сидел за простым деревянным столом, на котором лежали стопка брошюр, раскрытая Библия и чашка остывшего чая. Кабинет был светлым, уютным, пахло воском и старой бумагой — здесь всё располагало к разговору, к тихому, вдумчивому поиску ответов. Но Илья чувствовал, как слова застревают у него в горле, будто боялись выйти в этот спокойный, привычный мир. — Я понимаю, что это звучит странно, — сказал Илья, глядя на свои сжатые пальцы. — Но я не сошёл с ума. И это не последствия болезни. Там, на окраине, в старом клубе там что-то есть. Что-то, что питается нашими ссорами, нашими «всё равно», нашим нежеланием слышать друг друга.

Пастор слегка наклонил голову, не перебивая, но в его взгляде мелькнуло то самое осторожное напряжение, которое Илья уже видел у Марины: смесь заботы и страха сказать что-то не то. — Ты говоришь о духовном зле, — спокойно произнёс Алексей. — И я не спорю, что оно существует. Но показывать его как как сквозняк из щели или как тень в углу — это всегда рискованно. Люди либо пугаются, либо смеются. А иногда и то, и другое. — Но если не показать, как его увидеть, как с ним бороться? — возразил Илья. — Катя повторяет чужие злые фразы, будто заученные. В школе дети срываются без причины. И в этом здании там тишина не

просто тишина. Она как ловушка.

Пастор помолчал, потом провёл ладонью по обложке Библии, будто проверяя, что она всё ещё здесь, настоящая, надёжная. — Хорошо, — наконец сказал он. — Я не буду говорить, что этого нет. Но я и не могу благословить тебя идти туда одному. Если ты прав и там действительно есть духовная угроза, то один ты её не удержишь. Илья почувствовал, как внутри что-то расслабилось: не всё отвергли, не назвали бредом. — Тогда пойдём вместе, — тихо, но твёрдо сказал он. Алексей кивнул, будто сам себе подтверждая решение. — Пойдём. Но не как охотники за призраками. А как люди, которые помнят, что есть сила больше любой тьмы.

До окраины они добирались на машине пастора — старый, но ухоженный универсал мягко катился по улицам, где город постепенно терял свою привычную уверенность: дома становились ниже, дворы — пустынее, а люди на остановках смотрели мимо друг друга, будто боялись зацепиться взглядом. Когда машина остановилась у пустыря, Илья первым вышел наружу и сразу почувствовал это: воздух стал плотнее, холоднее, будто кто-то опустил невидимую завесу. Пастор вышел следом, остановился, прикрыл глаза на мгновение, словно прислушиваясь не к звукам, а к чему-то глубже. — Да, — тихо сказал он. — Здесь тяжело. Не просто пусто. А будто пустота хочет, чтобы ты в неё поверил.

Они подошли к зданию. Задняя дверь по-прежнему держалась на одном гвозде, слегка покачиваясь от ветра. Илья

вспомнил, как пробирался сюда в прошлый раз, и теперь ему казалось, что тогда он был слишком самоуверен. Сейчас рядом был человек, который не смеялся, и это придавало сил. Внутри пахло сыростью и чем-то ещё — металлическим, колючим, как запах грозы перед ударом молнии. Полосы света из разбитых окон лежали на полу, но сегодня они казались тоньше, будто тьма научилась их съедать. Круг из стульев стоял на месте. Пустота в центре была такой же глубокой, но теперь Илья видел в ней не просто отсутствие вещей — он видел, как она пульсирует, как дышит, втягивая в себя любой звук, любую надежду.

И тут он услышал шёпот. Не слова, а обрывки звуков, собранные в ритм чужой речи: «не слышат не слушают всё равно». Шёпот полз по стенам, цеплялся за углы, пытался проникнуть в уши, в мысли, в самое сердце. Пастор сделал шаг вперёд, не к пустоте, а так, чтобы встать между ней и Ильёй — словно хотел заслонить его не телом, а чем-то большим. — Остановись, — негромко, но очень твёрдо произнёс он, глядя прямо в эту пустоту. — Тебе здесь не рады.

Шёпот на секунду замер, будто споткнулся. А потом вернулся, но уже не как тихий поток, а как нарастающий гул: «ты ничего не можешь они не поверят ты чужой». Илья почувствовал, как холод ползёт вверх по ногам, как он хочет заставить его поверить, что всё бесполезно, что любые слова — это только шум. Но рядом стоял пастор, и его спокойствие было как стена. — Мы слышим, — сказал Илья, сам

удивляясь, как уверенно звучит его голос. — Мы слышим, и мы не согласны. Пустота вздрогнула.

Стулья в круге слегка сдвинулись, будто кто-то невидимый пошевелился, раздражённый тем, что его называли. Полосы света на полу потемнели, а воздух стал таким густым, что дышать было почти больно.

И вдруг это стало не просто ощущением. Это стало почти физическим. Холод ударил, как порыв ледяного ветра, швырнув в них сырость и пыль. Один из стульев с резким скрипом покачнулся и рухнул на пол.

Пастор пошатнулся, но удержался на ногах, крепче сжав кулаки. — Не поддавайся, — бросил он Илье, не оборачиваясь. — Держи слово. Держи смысл. Илья вспомнил фразу с полей старой книги: «Не корми словами, которых не можешь забрать». И вместо того чтобы кричать, вместо того чтобы спорить с тишиной, он сказал самое простое, самое настоящее: — Прости меня, если я когда-то не слышал. Прости, если отвечал злом. Я хочу слышать.

Эти слова не были громкими. Они не звенели, как клятва. Но в этой комнате, где тишина хотела быть громче всего, они прозвучали как удар. Пустота снова вздрогнула. На этот раз не от раздражения, а от чего-то похожего на боль.

Шёпот рассыпался на отдельные звуки, потерял ритм, стал просто шумом. Стулья перестали шевелиться. Полосы света чуть-чуть расширились, будто вздохнули с облегчением. Пастор медленно выдохнул, опустил плечи, но не расслабил-

ся — он всё ещё был настороже. — Вот так, — тихо сказал он. — Не силой крика. А силой правды. И силой готовности отвечать за свои слова.

На улице воздух снова стал обычным: ветер, пыль, далёкий гул машин. Илья стоял, опираясь на стену здания, и чувствовал, как возвращается тепло, как возвращаются звуки мира, которые раньше казались ему фоном. — Спасибо, что пошёл со мной, — сказал он пастору. Тот кивнул, потёр усталые глаза и улыбнулся — не радостно, а с той тихой усталостью человека, который видел больше, чем хотел бы, но не отступил. — Теперь я верю, — просто сказал он. — Не в те-ни и не в холод. А в то, что зло умеет притворяться тиши-ной. И что бороться с ним можно не криком, а тем, что мы выбираем слышать друг друга.

Телефон в кармане Ильи снова завибрировал. Он достал его, не надеясь на хорошие новости, и прочитал: «Катя дома. Плачет, но дома. Прости, что напугала. Марина». Илья прикрыл глаза, чувствуя, как напряжение, копившееся в груди, наконец-то начинает уходить. — Надо ехать, — сказал он. — Там тоже своя битва. И она не менее настоящая. Пастор положил руку ему на плечо — лёгко, но твёрдо. — Поехали. И помни: ты не один. Даже когда кажется, что никто не слышит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.